

ров.²⁹ Окончание «-ы» покрывается в конце разбираемого слова в обеих редакциях выражения (ср. «стрикус-ы — с правильным окончанием вин. п. мн. ч. и «кус-ы»).

Такой представляется интерпретация словосочетания «утръжевазнистри кусы» Екатеринбургской копии, предложенная Р. О. Якобсоном, в ее отдельных элементах в свете данных грамматики и словаря древнерусского языка.

Всем сказанным, однако, дело не исчерпывается. Перед нами встает еще один вопрос, с которого, может быть, следовало бы начать анализ обоих чтений выражения. Это вопрос: в какой мере можно довериться Екатеринбургской копии и дает ли она безусловные и бесспорные возможности для текстологических ссылок на нее.

Если принять, что Екатеринбургская копия была менее тщательно и умело отработана в текстологическом и палеографическом отношениях, то можно допустить, что места она могла быть более первична, более «первобытна» и близка к оригиналу.³⁰ Не исключено, что, несмотря на всю свою текстологическую добросовестность и осведомленность в вопросах древнего русского письма и желание донести до читателя список «Слова» XV—XVI вв. в его оригинальном виде, редакторы первого издания *volens volens* вынуждены были дать сильно затемненные выражения текста в хотя бы элементарно понятном оформлении. Им оставалось или опубликовать их в полной неприкосновенности (что они и сделали местами вследствие бессилия удовлетворительно справиться с их интерпретацией), или придать им относительно понятный вид. Как редакторам им, конечно, хотелось, чтобы таких непрочтенных мест было как можно меньше. Вполне допустимо, что «камен преткновения» оказалось и лишнее сочетание «вазнистри кусы», которое они и осмыслили по линии общего семантического содержания контекста. При таком допущении вероятность большей аутентичности словосочетания «вазнистри кусы» увеличивается, а обращение Р. О. Якобсона к тексту Екатеринбургской копии с методологической точки зрения вполне оправдывается, и гипотезе его надо отдать преимущество.

Но если это не так, то центр герменевтических построений должен переместиться в направлении издания 1800 г. со всеми проистекающими из этого последствиями.

И, наконец, несколько слов о переводе «утръже вазни с три кусы», предложенном Р. О. Якобсоном: «Знать, трижды ему довелось урвать по куску удачи».³¹ На фоне реконструированной фразы с ее характерным «с три кусы» перевод звучит более поэтично, но и несколько более отдаленно, так как приданный ему оттенок дистрибутивности — «по куску удачи» — отсутствует в подлиннике. Наиболее удачен в этом отношении перевод А. В. Соловьева:³² «урвал счастья с три клока», сохраняющий основное лексическое сочетание конъектуры Р. О. Якобсона «с три кусы» — «с три клока».

²⁹ С. Д. Никифоров. Из наблюдений над именами существительными в памятниках второй половины XVI в. — В кн.: Вопросы славянского языкознания, т. I. Львов, стр. 151—152.

³⁰ При положении, что автором списка, с которого она была сделана, был А. И. Мусин-Пушкин, неискушенный в чтении древнерусских рукописей (см.: Д. С. Лихачев. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в., стр. 79—83).

³¹ См.: *La Geste du Prince Igor'*, стр. 196.

³² А. В. Соловьев. Новый итальянский перевод «Слова о полку Игореве», стр. 653—654